

Он продолжает публикацию разговора двух художников – Александра Райхштейна и Александра Данилова, начатого в предыдущем номере...

Александр Данилов: Мы еще не говорили с тобой о «книге художника» — тема мне близкая, интересная...

Александр Райхштейн: Но я мало ею занимаюсь, есть только то, что сделано сто лет назад,— нового ничего не прибавилось.

А.Д.: Все равно это очень любопытно. «Книг художника» у тебя немного, но интересные. Как ты вообще видишь этот жанр, его перспективы, какие возможности он открывает?

А.Р.: Думаю, что он перспективнее в сравнении с книгой печатной, с которой еще неизвестно что произойдет под давлением электронных средств. Книга сама многие свои функции передает всяким суррогатам...

А.Д.: А мне кажется, что «книга художника» скорее такой музейный артефакт...

А.Р.: Да, и она на фоне кардинальных изменений несколько не теряет. Наоборот, выигрывает, потому что обладает конкретной материальностью, тем, чем виртуальное искусство (пока!) не обладает, поэтому она-то останется и будет жить. Другое дело, что на такую книгу спрос ограниченный, любителей и знатоков мало.

А.Д.: Что производителей-художников мало заботит, они делают книги, совершенно не интересуясь — будет ли там продвижение какое-то или нет...

А.Р.: Конечно, но, с другой стороны, в тех странах, где люди интересуются таким искусством, собирают библиотеки, ходят на выставки,— там и художников больше. А в России заниматься «книгой художника» профессионально, то есть так, чтобы она приносила доход, могут примерно три человека, которые занимаются этим все время, вкладывая в проекты свои деньги и извлекая из них доходы...

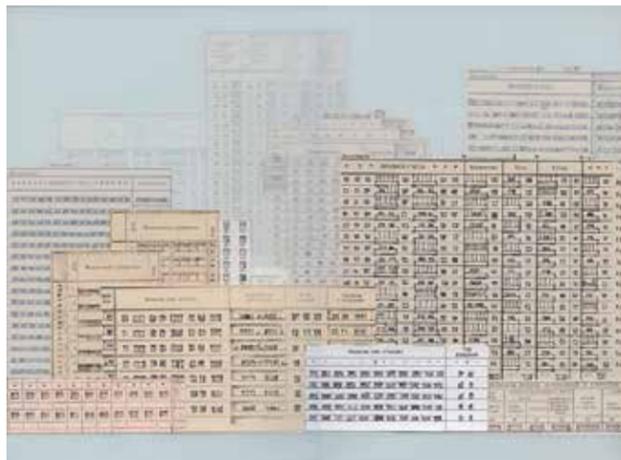
А.Д.: Скорее три человека продюсируют проекты, а так-то их побольше.

А.Р.: Но не намного. А в какой-нибудь Германии или Франции больше любителей таких книг, но все равно мало в сравнении с другими жанрами искусства. «Книга художника» требует индивидуального рассмотрения и прочтения, то есть ты не можешь апеллировать к публике, к толпе... Даже картину в музее могут рассматривать одновременно 20 человек, а «книгу художника» — только один, в лучшем случае два-три.

НОМО ЛУДЕНС — ЧЕЛОВЕК ИГРАЮЩИЙ

Проекты Александра Райхштейна

фото С. Румянцева, М. Тахвонена и А. Райхштейна

«Скучная книга» (A boring book). Книга художника

А.Д.: Даже в музее ее никто не посмотрит, если только она не из одного разворота.

А.Р.: Можно считать, что «книга художника» работает только в том случае, если ее книжность — то есть листаемость, разворачиваемость — можно ощутить. Предположим, в идеале, нам открыли музейную витрину, выдали белые перчатки — и все равно мы ее смотрим в одиночестве, потому что это такой деликатный объект для личного общения.

А.Д.: Ну, может быть, «книгой художника» могут заниматься самые разные люди, которые с обычной книгой не имели никакого соприкосновения. Книжный художник представляет себе, что такое переплет, блок, что такое текст, набор, бумага. Для него это сакральные знания, и, делая проект, он все равно представляет себе: вот это — титул, фронтиспис, шмуцтитул... Быть книжным дизайнером — все равно что быть архитектором, знать законы архитектуры. Не просто взять картонку и на ней рисовать «книгу художника».

А.Р.: Интересные образцы «книги художника» — это когда играют с самой книжной формой, знают ее традиции и обыгрывают ее так, как в обычной книге не обыграешь, тебе не дадут: технологи не позволят, редакции не позволят, а тут сам делаешь это каким-то совершенно уникальным способом. Я видел в Финляндии, как некоторые учителя изобразительного искусства в школе использовали «книгу художника» как тему для работы с детьми. И дети там в каком-нибудь пятом классе делают авторские книги — и у них получаются «книги художника». Они не знают эту традицию, но получаются вполне симпатичные объекты — очень необычные, очень личные. С одной стороны, элитарный вид искусства, а с другой — совершенно демократический.

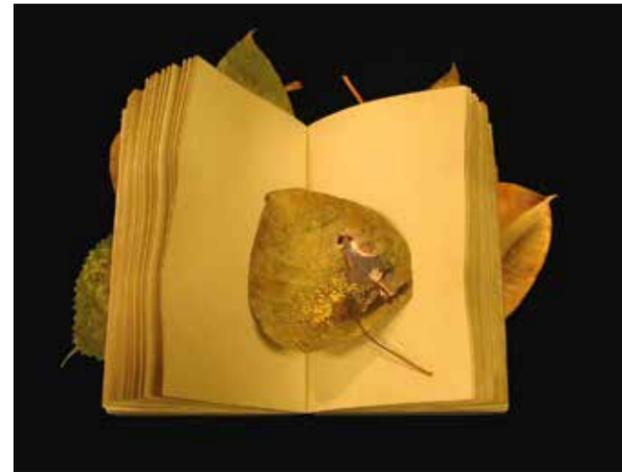
А.Д.: Абсолютно с тобой согласен.

А.Р.: Очень мило выглядит, когда дети это делают: такая непосредственность, иногда корявая, но бывают интересные находки. Я делаю «книгу художника», когда нужна именно книжная форма по какой-то причине и она никак не может быть осуществлена издательским способом, то есть совершенно «из ряда вон». И тут она идеальна, не надо ни с кем согласовывать и утверждать.

А.Д.: Сродни маленькой инсталляции, в которой можно воплотить любые идеи, можно использовать различные материалы, сделать необычный объем, пространство...

А.Р.: Да, сродни вообще всему, что происходит с книгой сейчас, — ведь очень много издательских книг с дырками, с вложенными дисками, бывают книги треугольной формы, из них что-то выскакивает... Такого тоже много, но «книга художника» идет в этом на шаг вперед.

А.Д.: Актуально и то, что такие работы легко пересылаемы — на любые выставки, посылкой. Это же не большая картина, поэтому широк диапазон выставок, на которых они обычно представлены, и такие выставки легко осуществлять. Я замечаю, что, например, мастера экс-

Holiday reading (Книга художника)

либрисов или гравюр участвуют в невероятных количествах выставок, намного больше, чем художники книги. Кажется, что выставок книжного искусства очень мало, но в то же время достаточно, если посмотреть по всему миру. Если их отслеживать, то это очень эффективный способ участия в выставках.

А.Р.: Тем более авторская книга все-таки зачастую тиражный продукт, который можно одновременно разо-слать по всему миру.

А.Д.: Но некоторые делают их лишь в одном экземпляре.

А.Р.: Да, мои книги как раз очень трудоемкие, но я из соображений, что один экземпляр поедет на выставку, а другой останется дома, стараюсь делать хотя бы по два экземпляра каждой. Например, к одной моей книге как раз подходит то, что ты сказал, — это инсталляция, она выходит за пределы книжной формы и разворачивается именно в пространстве. Это книга под названием «Holiday Reading», то есть «Отпускное чтение» — то, что люди читают в отпуске, на берегу моря. Мы были с семьей на Канарах несколько лет назад, что-то я там читал на берегу моря — не помню, все у меня из головы вылетело, ничего не осталось. Поэтому в книге «Холидей ридинг» текста нет вообще, она пустая. Хотя в ней засаленные грязные страницы, видно, что ее много «читали». На обложку, видно, чашку с чаем ставили, углы книги все закруглились, стерлись — книгу не берегли и так зачитали, что текст вообще исчез, и его забыли. Зато невозможно забыть то лето! Между страницами книги попадаются засушенные листья экзотических растений, и на них проступают образы счастливого времени... Моя дочка говорила, что Канары — рай на земле, и вот ее счастливая рожица проступает на поверхности листа. А вот она учится плавать, вот зарылась в песок, или идет по пустыне, или сидит под драконовым деревом. И все это возникает прямо из прожилок листа, из самой его ткани.

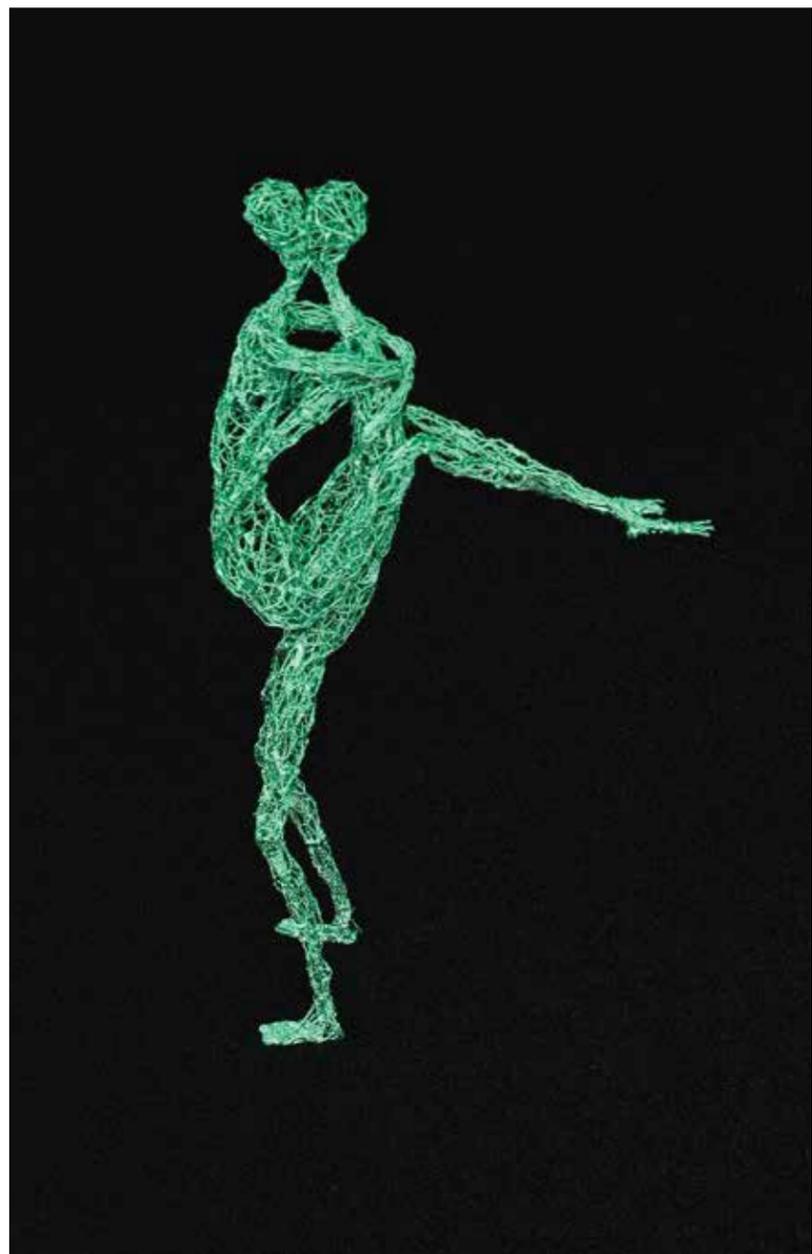
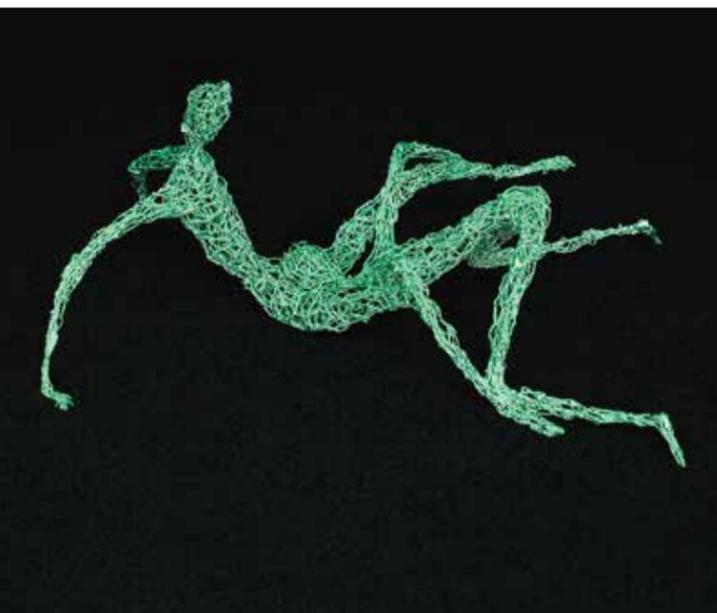
А.Д.: А как удалось этого добиться?

А.Р.: Много людей видели эту книжку на выставках или прямо держали в руках. Когда я ее показываю, я достаю оттуда листочки засушенные и раздаю, чтобы их можно было потрогать. А на выставках листочки из

книжки торчат, висят над книгой в воздухе, люди вертят их в руках и не догадываются, что это не настоящие листья. Конечно, это принт, потому что на настоящих листьях изобразить что-то невозможно. Это — отсканированные с двух сторон подлинные листья, в которые вмонтирована в фотошопе фотография моей дочки и канарского пейзажа. Напечатано на бумаге с обеих сторон и обрезано по контуру, результат выглядит, как засушенный лист. Народ ловится абсолютно, особенно несведущие в наших технологиях. Единственное, что вы-

зывает сомнение, — что черенок листа не обламывается. У обычного листа он бы обломился, а здесь, сколько его ни вертишь, он не обламывается, там между слоями бумаги заклеена полоска ткани, так что сломать этот черенок невозможно. Гнется, да не ломается. (Смеется.) В общем, жутко кропотливая работа, где на каждый элемент книги затрачено много часов, а элементов очень много. Но зато получается такая сентиментальная вещь, где запечатлены воспоминания.

А.Д.: Что-то очень личное?

Метаморфозы. Инсталляция в парке (металл, оцинковка)
< Серия Fusing — Слияние (металл, оцинковка)

А.Р.: Да, конечно. Но я мог бы сделать подобную книгу для кого угодно, если бы были заказчики. Ведь листики засушенные у многих ассоциируются с какими-то личными воспоминаниями. Немножко старомодно, немножко сентиментально, а в целом продукт современных технологий.

А.Д.: Что можешь еще назвать из своих работ, относящихся к таким вещам — интимным, личным?

А.Р.: Если из скульптур, инсталляций, то это выставка «Личная жизнь».

А.Д.: Это такая проволочная скульптура?

А.Р.: Да, совсем маленькие проволочные фигурки, каждая из которых — словно на острове. Эти острова сделаны из натуральных финских камней, которые распилены пополам. Их можно разложить на столе или на полу, и тогда эта поверхность стола или пола как будто превращается в море. На каждом острове стоит, сидит, лежит один человек, который делает что-нибудь такое, что можно делать в одиночестве: читает, рисует, играет на музыкальном инструменте, ловит рыбу... Словом, это бесконечное множество вещей, которые можно делать в своем собственном пространстве. Такой образ: каждый человек — остров. Роман Хемингуэя «Острова в океане», в котором имеются в виду люди, — про это и написан. И таких островов у меня без малого сто. Это большая инсталляция, огромный архипелаг, который можно раскладывать. Там люди разного возраста — совсем маленькие дети, и взрослые, и совсем старики, и инвалиды...

А.Д.: Понятно. Ты в Финляндии живешь уже 22 года. Как себя ощущаешь: эмигрантом или живущим в Финляндии русским художником? Она тебе стала родиной?

А.Р.: Здесь я ощущаю себя свободно, давно живу, знаю, как общество устроено, говорю на финском, здесь мой дом и семья, но эта страна родиной мне все равно не стала. Родина — где ты родился. Родное — это ведь не обязательно хорошее, просто — родное. А здесь жизнь устроена гораздо удобнее. Но это все равно не дает ответа на главные вопросы, они же не сводятся к удобству. Я часто думаю о том, правильно ли, что я уехал и так надолго остался, и не надо ли все опять изменить?

А.Д.: До сих пор думаешь?

А.Р.: Да, иногда. Не уверен, что я в состоянии опять куда-то переселиться, потому что моя сфера работы такая материальная: мастерская, инструменты, материалы... В этом смысле поэту, конечно, легче переехать, чем скульптору, — у меня все такое тяжеловесное... Но иногда хочется уехать — все бросить и уехать, тем более что в маленькой стране ты в каких-то сферах уже наталкиваешься на... стену. Пути какие-то пройдены, и возможности исчерпаны. Может быть, это ложное впечатление, но иногда кажется, что тесно. С другой стороны, ничто не мешает, как говорится, весь мир открыть, и можно общаться со всем миром. Единственная сложность — объемность моих проектов. В среднем один проект при транспортировке занимает одну фуру — 30 кубометров. И чтобы это отвезти куда-то и выставить — либо дорого, либо — как в случае с Россией — не всегда просто из-за таможни, это целая история. Как раз наоборот тому, что мы говорили про выставки «книги художника». Мои проекты трудно транспортируемые, поэтому моя так называемая бизнес-модель довольно-таки сомнительная,

странная. Я в течение длительного времени пытаюсь существовать так, что произвожу выставочные проекты принципиально не коммерческие — их почти невозможно продать. А музей, который их хочет выставить, должен арендовать, то есть заплатить автору. Плюс нести транспортные и прочие расходы.

А.Д.: Я читал, ты получал какие-то награды, медали от Финляндии за издания, за проекты. Тебя наградили Государственной премией Финляндии, ты получаешь заказы, то есть тебя ценят, ты считаешься финским художником.

А.Р.: Да, финнам иногда приятно подчеркнуть, что я иностранец, а они не ксенофобы. Но страна маленькая, и финская премия — это совсем не то, что Государственная премия в России. Желающих получить мою выставку намного больше тех, кто может это реально осилить. Я мог бы больше делать, но мои возможности не используются в полной мере. Я пытаюсь поддерживать связь со многими странами. Вот сейчас у меня прошла выставка в Петербурге. Пока не знаю, как сложится дальнейшая судьба этого нового проекта.

Волшебная карусель. Кинетическая интерактивная инсталляция (смешанная техника)

А.Д.: Ты был во многих странах Европы — где тебе больше понравилось?

А.Р.: Гораздо легче в стране, где знаешь ее язык. В немецкоязычных странах для меня нет проблем — все понимаю, но нравится больше в Италии. Однако я не представляю себе, как бы жил в этой стране, хотя понимаю, почему художники стремились побывать там.

А.Д.: В Италии, наверное, есть какая-то перенасыщенность, усталость от культуры?

А.Р.: Да. У нас все время хочется бороться с хаосом, что-то облагородить, украсить, а там все уже прекрасно. Есть только две страны в мире — Италия и Голландия, где великолепного классического искусства столько, что люди им пресытились и предпочитают искусство современное, модернизм.

А.Д.: Ну что ж, хорошо мы поговорили...

А.Р.: Хотелось бы, чтобы какой-нибудь бизнесмен подумал: надо пригласить этого художника с выставкой в Челябинск, раз все это так легко разбирается и перевозится.

А.Д.: А какой бы проект ты мог выставить в Челябинске?

А.Р.: Я думаю, это «Мутатис Мутандис» (Mutatis Mutandis), который выставлялся в декабре 2011 года в Эрмитаже, а в декабре 2012-го — в Хельсинки. Проект можно показать практически в любом помещении, где есть 50–100 квадратных метров ровного пола. И в этой выставке участвует публика. Я убедился — ездил на Венецианскую биеннале, на другие выставки — и подтверждаю: публика хочет участвовать во всем, потратить силы, испачкать руки. Никто уже не хочет просто смотреть со стороны, и там, где участие возможно, просто толпы народа. Одно дело — когда тебе показывают готовое, но чужое, и совсем другое дело — когда ты сам создаешь, участвуешь. *БК*